Контрольный выстрел в производственный сектор

В России явно наблюдается искажение рынка и «переукрепление» национальной валюты, которое всем вредит. Могут быть единичные исключения, но всем понятно, что подавляющему большинству участников российской экономики это вредно: экспортерам, производствам, которые занимаются импортозамещением, бюджету

Текст
ПАВЕЛ САМИЕВ,
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР АНАЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА «БИЗНЕСДРОМ», ШЕФ-РЕДАКТОР РАЗДЕЛА «ФИНАНСОВАЯ СФЕРА» **«Б.О»**

другой ситуации можно было бы найти пример выгодоприобретателей «переукрепленного» рубля: B2B-импортеры, которые покупают оборудование и технику для бизнеса. Тогда можно было бы действительно дешево купить оборудование для автоматизации, осуществить технологические закупки — роботы, программное обеспечение. Но для этого нужен рост инвестиций, чтобы ускоренными темпами модернизировалось производство, чтобы рос лизинговый рынок, через который происходит обновление производственных фондов. Всего этого нет.

Нынешняя ситуация не способствует использованию крепкого рубля для выгодного импорта. Это не нужно в связи с падением спроса, со стагнацией (в лучшем случае) выручки у компаний, с неясными перспективами. И индикаторы бизнес-климата, инвестиционной активности находятся на очень низком уровне (ниже, чем в последние три года), сравнимом разве что с провалами в 2022-м, а до этого в 2020 году.

Бизнес и не собирается в ближайшей перспективе инвестировать в долгосрочные проекты и расширять производственную базу. Он только привлекает со стороны или осуществляет из собственных средств финансирование краткосрочных задач, за очень редким исключением. Инвестиционная активность находится на минимуме.

В таких условиях крепкий рубль не дает экономике ничего. Единственный пример выгоды от крепкого рубля — отдельные закупки комплектующих для военно-промышленного комплекса. Тем более что их делают, как правило, компании, либо связанные с государством, либо уже поставляющие произведенное оборудование госкомпаниям. Но эта выгода существенно меньше потерь экономики от крепкого рубля.

Логистические проблемы и другие факторы сдерживают и будут все сильнее гасить потребительский спрос, в том числе на импорт. Можно было бы сказать, что потребителю выгоден низкий курс, потому что он может больше купить, но опять же — иностранных товаров, и это тоже ущерб российской экономике и национальному производителю. Но даже иностранное покупают все меньше. Рынки, которые могли бы получить импульс, падают или стагнируют. Сверхъяркий пример — автомобили. Этот рынок уже не зависит от динамики курса, как раньше, а утильсборы и прочие параметры, которые делают автомобили в России кратно дороже, чем в большинстве стран, не дают никакого преимущества потребителю.

Бенефициаров крепкого рубля в производственном секторе нет: от промышленности до сельского хозяйства. Везде, где есть конкуренция с импортом, компании находятся в очень тяжелом положении. Увеличение издержек, инфляционный фактор, рост тарифов естественных монополий, повышение налогов — все это ухудшает финансовые показатели производственных компаний последние два года, а крепкий рубль добивает их сверху. Очень многие закрываются, сворачиваются, замораживаются с пониманием, что если в течение года ситуация с курсом сохранится, то никакой разморозки не будет.

У нас фактически появилась «голландская болезнь» — это ситуация, при которой усиление валюты страны негативно сказывается на экономике. В нашей ситуации это очень странно: «болезнь» должна, по классике учебников, быть у стран, в которых экономика открыта и экспортно ориентирована, в которых нет ограничений, санкций и прочих факторов, сдерживающих экспорт, и которые при этом получают избыточные доходы от экспорта сырьевых товаров.

Если поток валюты не стерилизовать, происходит гашение экономической инвестиционной активности, потому что ни импортозамещение, ни экспортные отрасли (кроме сырьевых) не справляются и начинают страдать от того, что им невыгодно что-либо продавать. Это очень плохо и для экономического роста, и для здоровья экономики. Идет перекос в сторону сфер, которые могут в таких условиях продолжать быть прибыльными, а это узкий набор сырьевых отраслей. У такого явления много последствий, в том числе рост инфляции — ситуация сама по себе этому способствует.

На этот вызов есть ряд ответов, которые были когда-то использованы и Россией. Один из них — интервенции и выход на валютный рынок государства в лице разных агентов (могут быть варианты). Крупный игрок начинает влиять на предложение валюты и может снизить курс национальной валюты принудительно, что нивелирует часть негативных последствий «голландской болезни» — как если бы у больного человека сбили температуру. Это не снимает изначальную проблему со структурным перекосом и сверхрентабельностью добывающих отраслей, но, по крайней мере, слишком высокий курс не угнетает производство. Второй ответ — государство начинает стерилизовать часть избыточных экспортных поступлений за счет создания и расширения резервных фондов. Это известная у нас история, которая тоже имеет свои минусы. Но сейчас принципиально важна не стерилизация экспортной выручки, чтобы она не вбрасывалась в экономику и не создавала инфляционные эффекты, а снижение «переукрепленности» рубля.

У ЦБ нет таргета по курсу. Он установил цель именно по инфляции и ее старается выполнить, хотя это очень сложно: борьба с инфляцией обычно происходит вредными с других точек зрения методами. Так получилось и в России, когда от экономического роста, сопряженного с повышенной инфляцией, но не гиперинфляцией, мы перешли сначала к стагнацию, потом к рецессии. Теперь обратными методами денежно-кредитной политики после того, как был загашен потребительский спрос, быстро вернуться хотя бы к минимальным положительным темпам роста невозможно.

Банк России мог бы волевым решением признать таргетом динамику курса, диапазон или то, что рубль не должен переукрепляться. После этого государству нужно было бы делать интервенции и выходить на рынок.

Курс в диапазоне 70–75 рублей за доллар при наличии прогнозов даже до 60–70 — это ненормально. То, что мы еще не полностью увидели негативные последствия, не должно нас успокаивать: к сожалению, их мы точно будем наблюдать все второе полугодие этого года. Некоторые процессы практически необратимы или трудно обратимы: закрытие предприятий, крах некоторых инвестиционных программ в производстве. Оказали давление и налоги, и издержки, и падение спроса, но курс рубля реально является главным убийцей российского производственного сектора.

Это очень печально, и если не принять меры, если не побороть эту новую и очень странную для нас «голландскую болезнь», то в ближайший год рецессия только усугубится. Главное — начнут выкашиваться целые кластеры производств, которые потом будет очень трудно восстанавливать. Б.О